

Е. А. Белжеларский

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Немецкий фашизм в трактовке русской консервативной эмиграции

Аннотация. В статье ставится вопрос о коллективном восприятии фашизма в кругах русской консервативной эмиграции. Часть этой среды определена автором как группа людей, искренне считавших себя русскими патриотами, но так и не «разгадавших» истоков и смысла немецкого национал-социализма, который изначально был нацелен на устранение из истории единой русской общности. Речь идёт о русских консерваторах, оказавшихся в эмиграции, таких как И. А. Ильин, И. С. Шмелёв, П. Н. Донсков и др. Рассматривается неадекватность ряда эмигрантских трактовок немецкого фашизма. Главным искажающим фактором в восприятии фашизма этой частью русской эмиграции стала мифологизация постхристианского европеизма, русская вера в Запад как «страну святых чудес», в магический образ «старых камней Европы». Эти и подобные им концепты становились объектом поклонения даже у патриотически мыслящих консерваторов. Поскольку рефлексия по поводу исходных оснований знания всегда табуируется механизмами культуры и коллективной психики, явления европейского фашизма неизбежно ускользали от системы нравственных оценок этого эмигрантского круга, несмотря на христианские убеждения его представителей. Автор статьи также приходит к выводу о том, что фашизм был не «реакцией на коммунизм», как утверждали впоследствии немецкие историки

реваншистского толка, но реакцией на общий кризис исторического модерна, какие бы идеологические формы этот кризис ни принимал в XX веке. Согласно логике статьи, фашизм представляет собой гораздо более протяжённое историческое явление, чем отдельно взятый гитлеризм. Укоренённость исходных оснований фашизма в культуре Нового времени обеспечила ему историческое долгожительство по сравнению с коммунизмом, а также создала историческую преемственность между пангерманизмом, гитлеризмом и атлантизмом. Подчёркивается, что подлинное понимание природы фашизма невозможно без учёта всей логики европейской мысли Нового времени.

Ключевые слова: дерусификация, колонизация, консерватизм, нацизм, национал-социализм, фашизм, эмиграция

Для цитирования: Белжеларский Е. А. Немецкий фашизм в трактовке русской консервативной эмиграции // Ортодоксия. — 2025. — № 1. — С. 181–194. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-181-194

Вситуации кризиса идеологических систем растёт актуальность нового осмысления фашизма¹, в частности изучения проблемы его восприятия в среде русской эмиграции прошлого века.

В последнее время в российском публичном пространстве наблюдались эмоциональные дискуссии на эту тему. Автор настоящего текста не намерен принимать в них участие, у него другая задача. Разумеется, определённые высказывания представителей эмигрантского круга о немецком национал-социализме выглядят обескураживающими с высоты нашего сегодняшнего опыта. Но никто не застрахован от влияний бэконовского идола театра, и даже серьёзные ошибки обычно не отменяют всей совокупности достижений того или иного мыслителя.

С другой стороны, существует куда более фундаментальный вопрос, нежели оценка тех или иных отдельных суждений: это вопрос об общей эпистемологии восприятия фашизма кругом людей, искренне считавших себя русскими патриотами, но так и не «разгадавших» истоков и смысла немецкого национал-социализма, нацеленного в том числе на устранение из истории единой русской общности.

¹ В данном тексте термин «фашизм» используется во втором, расширенном значении, как синоним понятий «национал-социализм», «расизм» и т. п., а не как название идей Бенито Муссолини и его последователей.

Ярким примером таких суждений может служить статья философа И. А. Ильина «О русском фашизме», вышедшая в журнале «Русский Колокол» в 1928 году. Фашизм, по мысли автора, представляет собой одну из возможных форм Белого движения, смысл которого заключается в «возрождении рыцарственного начала», выступающего против мировой «бездны бесчестия, безбожия и свирепой жадности» (Русский Колокол 54: 56). Таким образом, здесь обозначен глобальный характер явления, то есть речь идёт не только об Италии и России. Позднее интерес философа смещается в сторону национал-социализма, которым он сначала тоже вдохновился (статья «Национал-социализм. Новый дух», 1933), но в послевоенный период пересмотрел своё отношение, обвинив его в «пробелах и ошибках» («О фашизме», 1948).

Маловероятно, что И. А. Ильин не был знаком с книгой вождя Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) «Mein Kampf» (запрещена в РФ), с брошюрой «Недочеловек» (Der Untermensch 1942), посвящённой «неполноценным» народам и «дегенеративному искусству недочеловеков»², с громкой статьёй рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера «Германизировать ли?», вышедшей 20 августа 1942 года в эсэсовской газете «Чёрный корпус». Последняя призывала «добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови»³. Расовая доктрина Третьего рейха также была хорошо известна, концепции немецкой расологии и антропологии публиковались в научной печати — в частности, высказывались идеи «разнордизированной крови» и «утраты нордичности» русскими. Но всё это по большому счёту не сказалось на суждениях Ивана Ильина и идейно близких ему мыслителей. Фашистские идеологемы часто воспринимались ими как нечто рутинное, не существенное для общей оценки политического ландшафта.

Известный писатель И. С. Шмелёв (автор «Лета Господня») определённо поддерживал национал-социалистский лагерь, живя во Франции и будучи постоянным автором прогерманского «Парижского вестника». Его симпатии остались на стороне Берлина и после начала войны. Но отношение Ивана Шмелёва во многом определялось личной

² Термин «Untermensch» был заимствован немцами из книги американского расолога Лотропа Стоддарда «Бунт против цивилизации: угроза подчеловека» (Lothrop Stoddard 1923). Её немецкий перевод: «Der Kulturumsturz: Die Drohung des Untermenschen» (1925). Данное понятие обозначает некую противоположность «сверхчеловеку» Фридриха Ницше. Его англоязычный аналог — «subhuman» («подчеловек»).

³ «Das Schwarze Korps». — 1942. — 20 августа.

трагедией — потерей сына, репрессированного в СССР. В данном случае безусловно стоит, осудив лишь сам поступок, найти искру христианского сочувствия к совершившему его человеку. Как известно, близкие родственники были репрессированы не у одного И. В. Шмелёва и это отнюдь не всегда приводило к поддержке гитлеровского режима. В то же время бóльшая часть прогермански настроенной эмиграции не находилась в столь запредельной ситуации, как Иван Шмелёв.

Известная часть иерархов Русской Православной Зарубежной Церкви приняла сторону Гитлера. Глава Архиерейский Синода митрополит Анастасий (Грибановский) поддержал войну как крестовый поход против коммунизма, в эмигрантской религиозной газете «За Родину» по этому поводу даже совершалась молитва: «Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы!»⁴

В известной книге П. Н. Донскова, казака-коллаборациониста, эмигранта, сотрудника Штаба Войска Донского (1942) и бургомистра города Батайска (1943), описана такая ситуация: «Атаман Павлов в откровенной беседе со своими единомышленниками сказал: “Что нас ждёт в апофеозе этой войны? При победе Западной коалиции в союзе с СССР — уничтожение. При победе немцев — неизвестность. Гитлеровская доктрина о превосходстве германской расы ставит все народы в подчинение немцам. У нас остаётся одна надежда на то, что военная необходимость и непревзойдённая воинская доблесть казачества могут заставить немцев сделать исключение из этой доктрины, признать нашу самостоятельность...”» (Донсков 1994: 523).

Хотя вековые принципы казачьей самостоятельности противоречат идеям «превосходства германской расы и подчинения всех народов немцам», это не отменяло в тот момент сотрудничества с вермахтом. Удивительна и надежда выслужить исключительный статус.

Принято считать, что эмигранты находились в информационном плену — многие, подобно Ивану Ильину, проживали именно в Германии и «воспринимали лишь то, что писали в западной прессе, вторившей фашистской пропаганде о возрождении страны» (Минаков 2024: 124)⁵. Но такое доверие пропаганде удивительно, так как речь идёт об интеллектуалах, которым (*noblesse oblige*) полагается мыслить критично. Тем более что прежде, до 1917 года, существовали примеры совсем другой

⁴ «За Родину». — 1942. — 3 декабря. — № 73.

⁵ Минаков Аркадий. Об отношении И. А. Ильина к фашизму и нацизму. Тетради по консерватизму», 2024. — № 1. — С. 194.

оптики. Например, 6 октября 1914 года русский философ В. Ф. Эрн на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва произносит свою знаменитую речь «От Канта к Круппу». В этом выступлении Владимир Эрн проследил путь от философии Иммануила Канта, деноуменизовавшей европейское мышление, к технократизму, волюнтаризму и, как следствие, милитаризму XX века, показав таким образом иллюзорность гуманистической риторики Европы.

Но дело не только в милитаризме и технократии. Протофашистские идеи возникают на почве пангерманизма ещё в XIX веке, задолго до выхода на историческую сцену НСДАП и официального национал-социализма. Целостный план колонизации России разрабатывался ещё при Втором рейхе. Идеологи Третьего продолжили процесс и использовали колониалистские проекты кайзеровского периода.

В 1886 году создаётся Королевская Прусская комиссия по колонизации восточных территорий, а в 1891-м появляется «Пангерманский союз», участники которого выпускают брошюру «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 году». Авторами брошюры стали известные немецкие интеллектуалы, такие как Макс Вебер, Густав фон Шмоллер, Вернер Зомбарт. Речь в этом издании шла о расширении «жизненного пространства» (Lebensraum) немецкого народа на Восток, утверждалось, что «серединное положение» Германии в Европе даровано немцам свыше и поэтому даёт право на изменение границ на континенте. Макс Вебер подчёркивал, что дело здесь совсем не в немецком тщеславии, но в ответственности немецкого народа перед историей и мировой культурой. На эти веберовские рассуждения будет впоследствии ссылаться неонацист Эрнст Нольте, сторонник «нормализации немецкой истории», в ходе знаменитого «спора историков» в 1986 году.

Густав фон Шмоллер называет Россию варварским государством. Макс Вебер усматривает в русских препятствие развитию Запада; позднее он писал, что «Россия угрожает не только нашей государственности и всей нашей культуре, но и мировой культуре» (Weber 1984: 179–180). Такого рода аргументами была обоснована необходимость освоения русских территорий.

До русской революции оставалось ещё почти три десятилетия, но программа колонизации России в общих чертах уже была подготовлена. По существу, гитлеровский план «Ост» стал её продолжением. Эта программа составляла важную часть немецкой национальной политики, и об

этом не могли не знать русские мыслители, включая будущих пассажиров «философского парохода».

Как подчёркивает в своей статье Аркадий Минаков, философ Иван Ильин прямо упоминал об «империализме средневековых германцев» и «мечте нескольких германских поколений» превратить Россию «в историческую кучу навоза» (Минаков 2024: 198). То есть он хорошо представлял себе корни немецкой идеологии, но это повлияло на его позицию далеко не сразу и не в полной мере, хотя в работе 1948 года («О фашизме») Ильин указывает на «цезаризм», «деспотию» и другие «ошибки», которые «скомпрометировали фашизм». Но это положение выглядит недостаточным. Оно звучит как осуждение, но сущность явления им не «схвачена». Ведь фашизм не просто «уходит в крайности», он сам и есть крайность и потому сам себя компрометирует с самого начала.

Эмигрантская лояльность к национал-социализму подразумевала, что немецкое воинство направляется в советскую Россию для восстановления порядка. При этом выносилось за скобки то, что это был бы не русский, а немецкий порядок. В конечном счёте власть большевиков была для Гитлера скорее подарком, поскольку в глазах европейского общества (к сожалению, и некоторой части русского) легитимировала его завоевательный поход, играя на руку германской внешней политике.

Этого не могли не понимать те, кто поддерживал гитлеровскую кампанию. Следовательно, главным критерием для них были не русские национальные интересы, но интересы собственные, что и вело к национальному предательству. Всё это, по сути, повторяет позицию российских смердяковых XIX века, полагавших, что Наполеон может принести русским свободы, конституцию и отмену крепостного права. Хотя здравый смысл подсказывает, что военные походы не совершаются с благотворительными целями, тем более носителями европейского меркантилистского сознания.

Кстати, следует отметить, что и позиция советской стороны была совершенно неудовлетворительной. Вопрос о программе дерусификации как главной задачи немецкой и в целом европейской политики применительно к фашизму уступал место критике германского империализма, вере в антагонизм гитлеризма и «мировой демократии», близорукому воспеванию «союзников». В советскую и постсоветскую эпоху новая угроза фашизма — атлантистская — воспринималась как нечто гипотетическое и даже мифическое, в духе пропаганды «демократических СМИ» 1990-х. Уход от главного вопроса выразился, в частности, в том, что деятельность Германии на нашей территории была официально признана геноцидом

лишь в 2020 году, почти через 70 лет после Великой Отечественной войны⁶. Отметим, что число жертв фашизма продолжает расти и сегодня вследствие проводимых ВСУ и НАТО карательных операций на оккупированных ими русских территориях.

Итак, историческая логика часто не учитывалась в эмигрантской среде при оценке событий 1930–1940-х годов. Возобладавшая же у многих романтическая вера в фашизм как в рыцарский идеал одновременно и наивна, и абсурдна, и жестока. Она игнорирует громадные человеческие потери, понесённые за годы войны русским народом, частью которого считала себя эмиграция. Между прочим, само немецкое руководство высказалось по поводу «рыцарственности» вполне однозначно: «Войну против России не следует вести по законам рыцарства. Это будет битва идеологий и расовых различий, и она должна проводиться с беспрецедентной и неослабеваемой жестокостью. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На востоке жестокость явится благом для будущего» (Гальдер 1968: 430–431). С такой речью обращался Гитлер к своим солдатам, согласно дневнику Ф. Гальдера, начальника Генштаба немецких сухопутных войск.

Возникает впечатление, что часть эмиграции считала своим не весь народ, но лишь его «здоровую» часть, не испорченную большевизмом. Этот взгляд по-своему последователен, но его трудно признать христианским: ведь, как известно, «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Марк 2: 17), они и достойны особого попечения. Такая позиция идёт вразрез с религиозным характером русской философии, предлагая, по сути, зеркальный перевёртыш классового подхода. Между тем реальным участником войны был не «советский режим», а именно народ. В окопах умирали русские люди, а не пресловутые «иудеобольшевики», немцы бомбили города, в которых проживало русское население, а не большевистское руководство. Но известная часть эмиграции желала поражения России, поскольку она была советской, то есть «неподлинной», и в ней якобы жили какие-то «другие» русские — люди с изменённым сознанием.

Между тем, несмотря на пропаганду, национальная ментальность не может кардинально измениться; культурные матрицы устойчивы, и благодаря этому коллективное сознание просто адаптируется к новым

⁶ Российский суд впервые признал геноцид советского народа нацистами // Российская газета. — 2020. — 27 октября. — URL: <https://rg.ru/2020/10/27/reg-szfo/genocid-sovetskogo-naroda-nacistami-vpervye-priznan-rossijskim-sudom.html> (дата обращения: 20.01.2025).

условиям. Но немалая часть эмиграции мыслила иначе. И дело здесь, по-видимому, не в личных убеждениях, но в некой коллективной эпистемологии, а это уже не индивидуально-психологический, но имеющий свою логику системный процесс.

Скорее всего, главным искажающим фактором стала русская мифологизация постхристианского европеизма. Это старинная русская вера в Запад как «страну святых чудес», вера в магический образ «старых камней Европы», на фоне которых миллионы русских жизней как-то теряются и тускнеют. Этот образ становился объектом поклонения даже у патриотически мыслящих консерваторов, что влекло за собой неизбежные последствия. Многие неудобные факты, вопиющие противоречия и уродливые явления выпадали за рамки европеоидного мифа, вопреки патриотическому настрою и научному мышлению его адептов. С точки зрения эпистемологии ситуация вполне стандартная: рефлексия по поводу исходных оснований какого-либо знания всегда табуируется механизмами психики и, шире, самой культуры. Именно поэтому у правоконсервативной части русской эмиграции к 1930–1940-м годам (а у многих и позднее) не сформировался реалистичный взгляд на европейскую мысль XX и XIX веков, не выработался иммунитет к её глубинному антиурусизму. Между тем такой иммунитет мог бы привести к более адекватному восприятию и самого фашизма.

В своё время группа немецких учёных под руководством историка Эрнста Нольте выдвинула концепцию гитлеровской агрессии как «реакции на коммунизм» в рамках «мировой гражданской войны». Это в итоге вылилось в знаменитый «спор историков» в Германии в 1986 году. В наше время как никогда очевидна несостоятельность данного взгляда. Если национал-социалисты «защищали Европу от коммунистической угрозы», то неизбежен вопрос: от какой же угрозы фашизм вместе с родственной ему либеральной мыслью «защищается» сегодня? Определённо не от коммунистической. Большевизм оказался исторически краткосрочным явлением. Зато фашизм вновь пребывает в активной фазе и решает совсем другие цели, нежели те, что были названы Эрнстом Нольте. В частности, сегодня он направлен против России, давно ушедшей от левой идеологии и левой модели государственности. Очевидный вывод: если почва для фашизма сохраняется в отсутствии коммунизма, значит, борьба с коммунизмом *не была его главной задачей*.

Фашизм стал реакцией не на коммунизм, а на общий кризис исторического модерна, какие бы идеологические формы этот кризис ни

принимал в XX веке. Коммунизм оказался лишь продуктом отмирания и распада всей протестантско-секуляристской культуры, а не её «внешним» (варварским, азиатским) вызовом. Отрицая это, западные элиты стремятся осмыслить проблему через образ внешнего (экзистенциального) врага.

Но, как подчёркивает в своей монографии «Незавершённый нацизм» Александр Щипков, «если в 1970-е годы считалось, что нацизм ушёл в прошлое», то сегодня «вполне очевидно, что нацизм существует как непрерывное явление» (Щипков 2024: 5). Сегодня уже слишком очевидно, что фашизм представляет собой куда более протяжённый исторический сюжет, чем отдельно взятый гитлеризм. Трансформация же пангерманизма в гитлеризм связана с долгосрочной стратегией немецкой элиты. Русских в Германии рассматривали как «непросвещённый» народ, не имеющий исторических прав на суверенитет и на собственные территории. К сожалению, эмигрантское консервативное сообщество этого не понимало.

Протофашистские установки составляли само ядро европейской мысли Нового времени — мысли, чьим основанием стала идея единственной «подлинной» цивилизации, а именно — западной, протестантско-просвещенческой, секуляристской, диктующей остальному миру «общечеловеческие ценности». Именно укоренённость исходных оснований фашизма в европейской культуре Нового времени обеспечила ему впоследствии историческое долгожительство по сравнению с коммунизмом, а также преемственность между пангерманизмом, гитлеризмом и атлантизмом.

Согласно вполне справедливому суждению А. В. Щипкова, «глобализм и неолиберализм являются сегодня инструментами и концептуальным прикрытием нацизма» (Щипков 2024: 6). И это тоже закономерная ситуация. Ещё в XX веке, после поражения Третьего рейха, либеральная мысль разыграла идеологический гамбит, жертвуя наиболее одиозной формой фашизма — гитлеризмом, но зато сохраняя основу и динамику фашистского мышления и отстраивая его последующие формы (атлантизм).

Примечательно, что в культуре современного Запада фашистская матрица легко вычленяется даже в леволиберальной «идеологии меньшинств». Например, движение BLM (Black Lives Matter), ставшее уличной опорой американских демократов, безусловно является расистским, но, так сказать, в зеркальном смысле — то есть имеет в своём идейном

активе уже антибелый расизм⁷. Это «единство противоположностей» лишний раз указывает на взаимодействие либеральной и собственно фашистской мысли как двух аспектов одной идеологии.

Сегодня крайне важно преодолеть изолирующий, зауженный подход к явлению, отбросить ложную оценку событий 1930–1940-х годов в Германии как случайного общественного «сбоя», который якобы травмировал европейское сознание. Безусловно, выход за рамки этой тупиковой интерпретации повлечёт за собой и новую разметку идеологического поля. Это неизбежно, поскольку уже очень давно требует исправления неестественная ситуация, связанная с тем, что у нас «имеется уникальный исторический опыт прямого противостояния нацизму. Но целостной, до конца выстроенной, системной концепции нацизма и расизма в нашем распоряжении всё ещё нет» (Щипков 2024: 6).

Хотелось бы надеяться, что впереди нас ждёт долгая и продуктивная работа по разгерметизации и преодолению устаревших концепций фашизма и сопутствующих ему идеологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. — М., 1968. — Т. 1. — 516 с.

Трагедия казачества: [Сборник]. — М. : Мол. гвардия : АО «Деловой центр», 1994. — 605 с.

За Родину. — 1942. — № 73. — С. 4–5.

Русский Колокол: Журнал волевой идеи. — 1928. — № 3. — С. 54.

Минаков А. Ю. Об отношении И. А. Ильина к фашизму и нацизму. — Тетради по консерватизму. — 2024. — № 1. — С. 193–207.

Щипков А. В. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления. — М. : РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. — 134 с.

Stoddard L. The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under-Man. — New York, Charles Scribner's Sons, 1923. — 272 p.

⁷ Ср. современную русскую народную пародию на известную песенку-потешку Марии Клоковой «Два весёлых гуся»: «С кашей ест бабуся белого гуся, ибо grey lives matter — вот и сказка вся».

Der Untermensch. — Berlin, Nordland GmbH, 1942. — 53 p.

Weber M. An der Schwelle des dritten Kriegsjahres // Weber M. Gesamtausgabe Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) 1984. — P. 179–180.

Сведения об авторе:

Евгений Александрович Белжеларский — преподаватель Российского православного университета святого Иоанна Богослова, 89260493049@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья принята в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 02.02.2025.

E. A. Belzhelarskii

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE THEOLOGIAN,
MOSCOW, RUSSIA

German Fascism as Interpreted by the Russian Conservative Émigré Community

Abstract. This article examines the question of how fascism was collectively perceived within circles of the Russian conservative émigré community. The author identifies a segment of this milieu as a group of individuals who sincerely considered themselves Russian patriots, yet failed to grasp the origins and underlying meaning of German National Socialism — an ideology originally aimed at erasing the unified Russian identity from history. The discussion focuses on Russian conservatives in exile, such as Ivan Ilyin, Ivan Shmelyov, Piotr Donskov, and others. The article explores the inadequacy of certain émigré interpretations of German fascism, arguing that the primary distorting factor in the perception of fascism by this segment of the Russian émigré community was the mythologization of post-Christian Europeanism. This includes a Russian faith in the West as a “land of sacred miracles” and the magical image of “Europe’s ancient stones”. Similar concepts became objects of veneration even among patriotic conservatives. Since reflection on the foundations of knowledge is typically suppressed by mechanisms of culture and collective psychology, European fascism as a phenomenon inevitably escaped moral scrutiny within this émigré circle, despite its members’ Christian convictions. The author also contends that fascism was not a “reaction to communism”, as later claimed by German revanchist historians, but rather a reaction to the broader crisis of historical modernity, regardless of the specific ideological forms that crisis took in the 20th century. According to the article’s logic, fascism should be understood as a far more expansive historical phenomenon than Hitlerism alone. Its roots in the culture of the modern age granted fascism greater historical longevity

compared to communism, while also establishing a historical succession that links Pan-Germanism, Hitlerism, and Atlanticism. The article emphasizes that a genuine understanding of the nature of fascism is impossible without accounting for the full trajectory of European modern thought.

Keywords: derussification, colonization, conservatism, Nazism, National Socialism, fascism, emigration

For citation: Belzhelarskii, E. A. (2025). German Fascism as Interpreted by the Russian Conservative Émigré Community. *Orthodoxia*, (1), 181–194. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-181-194

REFERENCES:

Halder, F. (1968). *Voennyj dnevnik: Ezhdnevnye zapisi nachal'nika general'nogo shtaba suhoputnyh vojsk. 1939–1942 gg.* [War Diary. 1939–1942]. (Vol. 1, pp. 5–516). Moscow. [In Russian].

Tragediya kazachestva: Sbornik [The tragedy of the Cossacks: Miscellany]. (1994). Moscow : Molodaya Gvardia. [In Russian].

Za Rodinu [For the Motherland]. (1942). 3(1), 4–5. [In Russian].

Russkij Kolokol: Zhurnal volevoj idei [The Russian Bell: Periodical of the Will-Driven Idea]. (1928). 3(3), 54. [In Russian].

Minakov, A. Yu. (2024). *O otnoshenii I.A. Il'ina k fashizmu i natsizmu* [On I.A. Ilyin's Attitude to Fascism and Nazism]. *Tetrad' po konservatizmu*, 40(1), 193–207. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2024). *Nezavershyonnyj nacizm. Genezis, transformaciya i rodstvennye yavleniya* [Unfinished Nazism. Genesis, Transformations and Related Phenomena]. Moscow, ROU of Saint John the Theologian. [In Russian].

Stoddard, L. (1923). *The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under-Man*. New York : Charles Scribner's Sons.

Der Untermensch. (1942). Berlin: Nordland GmbH.

Weber, M. (1984). *An der Schwelle des dritten Kriegsjahres*. Im *Weber M. Gesamtausgabe* Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

About the author:

Evgenii Aleksandrovich Belzhelarskii — lecturer of the Russian Orthodox University of Saint John the Theologian, 89260493049@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 02.02.2025.